

Русская литература: ракурсы прочтения

СЕМАНТИКА ДИКОЙ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. КАРАМЗИНА: БЫЛ ЛИ КАРАМЗИН РУССКИМ ГЕНРИ ТОРО

Юлия Снежко

Вильнюсский университет

В статье анализируется семантика дикой природы в творчестве Н. М. Карамзина. В работе выясняется и уточняется то, что понимал Карамзин под дикой природой – европейской и русской. В статье показывается, что отношение Карамзина к дикой природе было амбивалентным. Семантика дикости европейской и русской природы различна и обладает положительной или отрицательной валентностью. Различие объясняется особенностями эстетической оптики повествователя (эстетика живописного или возвышенного) и его повествовательной позиции (индивидуализированное отношение или государственная перспектива). Автор приходит к выводу, что отношение Карамзина к дикой природе в целом укладывается в рамки идеологии эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Карамзин, Торо, дикая природа, пейзаж, пространство, просвещение.

Key words: Karamzin, Thoreau, Wild nature, Landscape, Space, Enlightenment.

Кристофер Такер, анализируя роль дикой природы в развитии европейского романтизма, заметил, что «после того, как Шэфтсбери выразил мысль о том, что “дикость приятна”, европейцам потребовалось около ста лет, чтобы познать, что такое дикость и научиться наслаждаться ею» (Thacker 2016, 181). Однако понимание дикости, как, впрочем, и самой природы, не было однозначным (Хорват 1973, 207). Интерес к дикой природе вспыхивает в эпоху сентиментализма и предромантизма: в конце XVIII в. «выдвигается “вольная” природа», открываются «краски дикой природы» (там же). В русской культуре именно Карамзин продемонстрировал

«аффективную силу ландшафта» и особую связь между «воспринимающим субъектом и географическим окружением» (Dickinson 2006, 117–118), а его *Письма русского путешественника*, в которых представлено описание разнообразных природных ландшафтов и пейзажей Европы – в сентименталистском, идиллическом или предромантистском ключе – стали объектом подражания для русских писателей.

Вопрос об отношении Карамзина к природе, разумеется, не нов и рассматривался в различных аспектах. Один из них – влияние на изображаемую природу или пейзаж определенных литературных образцов (Гесснера, Руссо, Том-

псона, Макферсона, Юнга и др.) или эстетики возвышенного, живописного и буколического, то есть, исследование «литературности» пейзажа (Кочеткова 1986, 70–96; Кулакова 1964, 146–175; Кросс 1969, 210–228; Иванов 1975, 296–302; Вацура 1969, 109–29 и др.). Другой важный контекст – это политические и идеологические аспекты изображения природы, то есть связь пейзажа посредством эстетических категорий, прекрасного и возвышенного, с поэтикой «национального сообщества» (Снежко 2012), проблемой исторического пути развития страны (традиция vs просвещение и модерность) (Schönle 2007, 219–238), а также с поисками русской национальной идентичности и с «попытками» полюбить родную природу (Ely 2002, 48–51).

Несмотря на то, что в упомянутых работах в большей или меньшей степени говорится о дикой природе в произведениях Карамзина (о них будет сказано ниже), до сих пор отсутствует исследование, в котором было бы систематически рассмотрено, что именно входило в понятие дикой природы у Карамзина, в каких контекстах появляется определение «дикий» и какую эстетическую реакцию вызывает дикая природа у повествователя. Поэтому целью данной статьи и будет анализ **понятия дикой природы** в произведениях Карамзина. При этом мы не будем касаться философского понимания природы человека и ее отношения к природе и культуре (проблематики естественного человека и философского понятия природы) (Лотман 2000, 139–207; Канунова, Кафанова 1993, 187–202). Уточнение и конкретизация понятия дикой природы у Карамзина представляется актуаль-

ным и в свете усиливающегося с 60-х гг. XX в. интереса к природе и окружающей среде, отображенного в многочисленных литературных, культурных исследованиях в рамках экокритики и других научных направлений (Kirchhoff, Vicenzotti 2014, 443–464; Literature 1998; Merchant 2003; Companion 2014; Гречишкина 2014, 8–14).

Материалом для анализа послужат те произведения, в которых Карамзин прямо или косвенно высказывается о дикой природе, а это – *Письма русского путешественника*, где изображается европейская природа, а также исторические и публицистические сочинения Карамзина, в которых упоминается дикая русская природа (главным образом, *История государства Российского*).

Существуют разные понятия дикости и дикой природы. В рамках данной статьи нет возможности сделать их подробный обзор. Систематическая типологизация понятий дикости и дикой природы в европейской культуре от христианства до наших дней, основанная на классических мировоззрениях, появившихся в эпоху Просвещения, представлена в работе Тома Киршофа и Веры Вичензотти (Kirchhoff, Vicenzotti 2014, 443–464). Отметим, что к концу XVIII в. дикость воспринималась как в негативном, так и в позитивном ключе. Кэролайн Мерчант показывает, что к «дикому» в отрицательном значении относилось все то, что не входило в рамки цивилизации и угрожало ей. Одним из преобладающих способов интерпретации дикой природы, по мнению исследовательницы, являлось ее понимание через призму религиозного нарратива и его светского варианта о падении мира, его искуплении и попытке восстано-

вить райский сад на земле благодаря достижениям научного и технического прогресса (Merchant 2003, 11–21). При этом «лучшим состоянием природы» считался сад, а не «дикий лес или голая пустыня» (Merchant 2003, 76). Но в то же самое время с развитием эстетических теорий (живописного, возвышенного) в поэзии, живописи и литературе все больше начинает цениться дикая природа и эмоциональный отклик воспринимающего ее субъекта; дикая природа становится «храмом», местом проявления божественного, а также образцом неиспорченного человеком «первозданного порядка» (Merchant 2003, 76–77). Как будет показано далее, эта амбивалентность в оценке дикой природы была свойственна и Карамзину.

Говоря об изображении дикой природы в литературном пейзаже и живописи, нельзя обойти вопрос о проблеме отношения природы и искусства, а также о понятии красоты природы. Следует учитывать, что восприятие и оценка красоты дикой природы исторически не являются нейтральными (эстетическое наслаждение дикой природой не является чем-то само собой разумеющимся, существовавшим во все времена), а представляют собой культурно обусловленный «продукт» (Ely 2002, 9, 13)¹. Например, в эпоху Просвещения ландшафты часто описывались в терминах характера. Они могли быть «бла-

городными», «деревенскими», «величественными», «ужасными», что подчеркивало важность отношения зрителя к ландшафту (Ménahèze-Lefay 2013) и настраивало наблюдателя на его восприятие сквозь определенную эстетическую парадигму. В конце XVIII в. все большее значение приобретает интерес к изображению «не условного пейзажа, а конкретной, узнаваемой территории», чему особенно способствовала эстетика живописного, при этом понятие красоты пейзажа или природы оставалось обусловленным живописью и литературой (Ely 2002, 48) (красивая природа должна была напоминать картину). Вопрос о соотношении «дикости» и искусства, то есть о степени вмешательства искусства в природу и о том, какая природа могла вызывать наслаждение, был важен и для Карамзина.

В современном словаре экологических терминов для школьников авторы называют Карамзина «русским Торо², ибо он первым в русской культурной традиции стал воспевать дикую природу» (Этика 2008, 38). Далее авторы приводят несколько цитат из «Деревни» (1791), раннего произведения, Карамзина: «Нет, нет! Я никогда не буду украшать Природы... Дикость для меня священна, она возвеличивает дух мой». А также: «Где видны труд и работа, там для меня нет удовольствия. Дерево пересаженное, обрезанное, подобно

¹ Например, Марджери Никольсон показала, как менялось восприятие гор в европейской культуре – из явления, «уродующего» землю, горы, благодаря английским поэтам, и затем Руссо, стали восприниматься как место переживания возвышенного, получения религиозного опыта, а также – местом туристического паломничества (см.: Nicolson 1997, 1–47). Другими словами, горы стали «эталоном» дикой природы.

² Торо в настоящее время самый цитируемый автор из американских писателей-натуралистов. Он изучал и воспевал дикую природу во всех ее проявлениях: от «простой» природы Уолденских окрестностей, где болото было для него “sanctum sanctorum”, до величественных проявлений «неисчерпаемой мощи» природы, – и утверждал, что «залог спасения мира – в дикой природе» (Harding 1995, 1–11; Gura 1995, 142–151).

невольнику с золотой цепью» (Этика 2008, 38). Любопытно, что автор одного из авторитетнейших трудов, посвященных русскому пейзажу, Кристофер Элай, также сравнивает Карамзина со «своего рода русским Генри Торо», но только затем, чтобы признать, что Карамзин на самом деле им не является и то, что на первый взгляд, может показаться романтическим воспеванием «первозданной дикости» (“pristine wildness”), на самом деле представляет собой своего рода побег в «личную» Аркадию, описываемую в жанре литературной идиллии, и напоминающей не дикую природу, а пейзажный парк (Ely 2002, 49). Другие авторы также обращались именно к этому отрывку, чтобы показать отношение Карамзина к природе как пример «новой идеологии взаимоотношений между человеком и природой» (Vedenin 1998, 225) и влияние на него «руссоистского идеала неповрежденной, естественной природы» (Алпатова 2016, 103). При этом также отмечалась и полемическая направленность его взглядов на природу: с одной стороны, – «воспевание дикости», с другой – «амнистия» искусства в статье о «Садах» (Кулакова 1964, 157), и делался вывод, что «то, что Карамзин именует “естественной природой” [...] далеко от русской природы» (Кулакова 1964, 158). Мы видим, что в интерпретации природы уже в этом раннем произведении Карамзина наблюдается разноголосица мнений по поводу того, что именно «воспевает» писатель: дикую природу, доведенную до высшей степени искусства, или природу, не тронутую рукой человека. Наталья Кочеткова, пишет, что Карамзин, как и другие сентименталисты, ценит природу «без примеси

искусства» (Кочеткова 1986, 87), но солидаризируясь с мнением Д. С. Лихачева, отмечает, что это «не предполагало отказа от ее преобразования» (Лихачев 1982, 193–200)³. Таким образом, можно сказать, что семантика дикой природы у Карамзина раскрывается в интервале между «украшенной» и «неукрашенной» природой.

Также следует иметь в виду, что ни Карамзин, ни другие авторы, жившие в эпоху Просвещения, кроме исследователей-путешественников, таких как Александр фон Гумбольдт, Степан Крашенинников, Витольд Беринг, Петр Паллас и др. не могли иметь понятия о том, что значит пребывание в «настоящей» дикой природе – например, в пустыне, тайге или на побережье Северного Ледовитого океана. Доступным и, главное, эстетически ценным опытом переживания «дикости» были воспеты европейской литературой горы. Поэтому в описаниях дикой природы у Карамзина сохраняется известная доля литературности.

Дикая европейская природа

Рассмотрим сначала, что понимается Карамзиным под дикой природой в контексте европейского пейзажа. Для этого мы обратимся к тексту *Писем русского путешественника* (1789–1790).

В *Письмах...* представлены в основном две эстетические парадигмы природы, идиллической и возвышенной. Пример идиллической живописной природы – описание одного из видов в Эрменонвиле, где был похоронен Руссо: «Вид, который открывается с вер-

³ Цит. по: Кочеткова 1986, 88.

шины пригорка, веселит глаза и душу. Кристальные воды, нежная зелень лугов, густая зелень леса представляют разнообразную игру теней и света» (Карамзин 1964, 308); а также описание вида, который открывается Карамзину на пути к водопаду Рейхенбах в Швейцарии:

*Ах! Для чего я не живописец! Для чего не мог я в ту же минуту изобразить на бумаге плодоносную, зеленую долину Гасли, которая в виде прекраснейшего цветущего сада представилась глазам моим между **диких**, каменных, небеса подпирающих гор!* (Карамзин 1964, 138).

Далее Карамзин перечисляет «плодовитые лесочки», «маленькие деревянные домики», реку Аре, «множество ручьев, ниспадающих с крутых утесов», «бархатную мураву», что всё вместе «образовало нечто романтическое, пленительное», чего Карамзин «отроду не видывал» (Карамзин 1964, 138). Здесь мы видим основные составляющие идиллического или живописного пейзажа: он напоминает картину; для него характерен контраст света и тени; он представляет собой «приятное разнообразие для глаз» – «лесочки», «домики», «сад», «кристальные ручьи», «мурава» создают контраст с «дикими горами». Кроме того, такой пейзаж вызывает «веселие» в душе, в противоположность величественному пейзажу.

Другой тип пейзажа – возвышенный или величественный. При этом эпитет «дикий» по отношению к природе в тексте *Писем русского путешественника* появляется тогда, когда речь заходит о величественном пейзаже. Главным «носителем» дикости становятся горы. Так, вспоминая прогулку с Лафатером рядом с Цюрихом, Карамзин пишет: «Со

всех сторон представлялись [им] **дикие** виды гор, полагавших тесные пределы [их] зрению», – и далее говорит, что, если когда-нибудь ему «наскучит свет», он «удалится в эту пустыню», где «все можно забыть, кроме Бога и Натуры» (Карамзин 1964, 111). Здесь горы, будучи частью дикой природы, выполняют традиционную для европейской эстетики конца XVIII в. функцию, являясь местом природного возвышенного, которое позволяет лучше ощутить присутствие божества. Другими словами, здесь дикая природа воспринимается в позитивном религиозном ключе, как храм.

Характерными особенностями эстетической реакции на возвышенное (и на дикость как ее элемент) является смесь ужаса и восторга, которая раскрывается в следующем отрывке – в описании швейцарских Альп. Вот как пишет Карамзин о горе Шейдек:

*Нельзя взирать без **некоторого ужаса** на сии концы земного творения, где нет никаких следов жизни – нет ни дерев, ни трав, – где меланхолическая **пустота** искони царствует. Иногда над **дикими**, мертвыми утесами является здесь величайшая из птиц – альпийский орел, которому бедные дикие козы служат пищею [...]* (Карамзин 1964, 136).

В данном отрывке видно, что крайнюю степень дикости символизирует камень, также она коррелирует с мертвенностью, с отсутствием жизни (как человеческой, так и растительной).

Одно из значений дикости – первобытная, нетронутая природа. На пути во Франкфурт-на-Майне, вблизи Эйзенаха, Карамзин, отметив скучность дороги, замечает, что «только дикие окрестности Эйзенаха произвели в [нем] не-

которые приятные чувства, напомнив [ему] первобытную **дикость** всей Натурь» (Карамзин 1964, 82). Окрестности Эйзенаха и в наши дни представляют собой холмистую местность, покрытую лесом. Так что, помимо гор, лес также наделяется эпитетом «дикий».

Этот эпитет появляется и в оссиановском типе пейзажа, характерными признаками которого являются мрачное небо, дикие скалы, дремучие леса, ревущие ветра, бушующее море и т. д. (Левин 1980, 44, 56). Карамзин делится своим впечатлением от окрестностей недалеко от Веймара, где он намеревался посетить Гердера: ему «еще более полюбились [...] **дикие**, мрачные берега стремительно текущего ручья, под шумом которого, сев на мшистом камне, прочитал [он] первую книгу “Фингала”» (Карамзин 1964, 71). Здесь, «дикий», безусловно, является данью оссиановской литературной традиции мрачного пейзажа.

В *Письмах*... обращает на себя внимание то, что характеристика «дикий» распространяется не на всю природу. Так, находясь в Эрменонвиле, где был похоронен Руссо, Карамзин следующим образом описывает свой путь от «олтаря задумчивости» к «каменному гроту» и далее: «невольный ужас» овладевает путником при виде «мрачных сосен, печальных кедров, **диких** скал, глубокого песка», которые являют «картину сибирской пустыни» (Карамзин 1964, 309). Путешественник видит суровую величественную природу, к переживанию которой примешивается ужас. Но далее «**дикость** [...] мало-помалу исчезает: зеленая мурава, скалы, покрытые можжевельником, шумящие водопады напоминают [...] Швейцарию, Мельери и Кларан» (Карамзин 1964, 309). Ди-

кость, выступавшая как часть эстетики возвышенного, сменяется эстетикой живописного с пасторальными элементами.

В этом же отрывке эпитет «дикий» снова появляется, когда речь заходит о природе, не тронутой человеком: «Эрменонвиль был прежде затемняем дремучим лесом, окружен болотами, глубокими и бесплодными песками: одним словом, был **дикою пустынею**» (Карамзин 1964, 307–308). Помимо гор, частью дикой природы для Карамзина также становятся «дремучие» леса, болота и пески. Далее такая дикость противопоставляется природе, испытавшей на себе минимальное вмешательство человека: «Но человек, богатый и деньгами и вкусом, купил его, отделал — **и дикая лесная пустыня** обратилась в прелестный английский сад, в живописные ландшафты, в Пуссеневу картину» (Карамзин 1964, 308). При этом видно, что наибольший отклик у Карамзина вызывает именно природа, затронутая деятельностью человека, которую можно воспринимать, руководствуясь известными европейскими образцами. Его идеал – природа, напоминающая английский сад, выражающий суть эстетики живописного, важнейшей категории эстетики конца XVIII в. с ее отходом от классицизма и предромантическими веяниями. В то же время, природа без примеси искусства – просто «дремучий лес», «песок» и «болото» – не укладывающаяся композиционно в «рамки» живописного полотна, попадает в категорию «дикости» и вызывает не столько эстетическое удовлетворение, сколько пугающее ощущение⁴.

⁴ Эндрю Кан, анализируя этот отрывок, также обратил внимание на то, что Карамзин в описании

Таким образом, учитывая установку Карамзина на ценность переживания дикой природы, можно сказать, что понятие дикости применительно к европейской природе в *Письмах...* неоднозначно. Дикость, прежде всего, относится к природе, незатронутой деятельностью человека. При этом у него различается возвышенная дикость гор, попадающая в эстетику возвышенного и связанная с переживанием восторженного ужаса и одновременно божественного присутствия, и дикость лесов, болот и песков, которая практически не вызывает эстетического отклика. Карамзину оказывается ближе всего окультуренная «дикость» природы на манер английского сада.

Эталоном красоты дикой природы для Карамзина была природа Швейцарии, которая отличалась своей живописностью. Элай отметил, что Карамзин попытался перенести европейские стандарты восприятия (а именно, категорию живописного) на русский ландшафт, в частности, на московские окрестности, но, в целом, категория живописного на всю территорию России не распространялась. Поэтому, по его мнению,

Эрменонвиля делает акцент не на дикой природе, что было бы естественно, поскольку Руссо воспевал именно ее и ратовал за наименьшее вмешательство человека в природу, а на «окультуренном» ее варианте. Он объясняет это тем, что Карамзин, описывая Эрменонвиль, стремился дать «свое» прочтение Руссо и защитить его от нападок за «уход» в природу. Кан пишет, что Карамзин отказывается от буквального понимания идеи Руссо о возвращении общества к состоянию естественного человека, и что сама дикость в садах Эрменонвиля становится относительной: по версии Карамзина, Эрменонвиль демонстрирует, к какой «дикости» стремился сам Руссо, – это такое естественное окружение или природный ландшафт, который позволяет «чувствительному человеку» жить в гармонии с собой и природой (См.: Kahn 2003, 520–524).

Карамзину было сложно соединить любовь к отечеству с любовью к русской природе, и в своем историческом полотне *История государства Российского* он вернулся к традиционному восприятию России через территориальный или географический признак (Ely 2002, 50–51).

Дикая русская природа

Теперь рассмотрим, какими значениями обладает дикость в контексте русской природы в исторических и публицистических сочинениях Карамзина (именно в них, а не в художественной прозе, где описывается русская природа, раскрывается значение дикости)⁵. Помимо индивидуализированного отношения к природе (эстетического отклика), здесь особенно усиливается государственная перспектива взгляда на природу. В *Истории государства Российского* и других историко-публицистических произведениях Карамзина мы находим описания или упоминания природы таких различных регионов Российской империи, как Сибирь, Кавказ, Крым, южные степи, северные леса и болота, а также природный образ России в целом.

В *Истории государства Российского* (1816–1829), как и в *Историческом*

⁵ В поэзии Карамзина «дикий» употребляется 12 раз, из которых 9 относятся к характеристике «нецивилизованных народов», и только 3 – к природе («дикий берег», «дикий лес», «дикие хребты»). В прозаических художественных произведениях, в которых встречаются описания русской природы, «дикий» употреблен 3 раза применительно к животным, 3 раза к «народам» и только 2 раза к природе («дикие скалы», «дикая пещера»). Применительно к природе «дикий» выступает только как эпитет и для раскрытия понятия дикой природы не имеет принципиального значения. В исторических и публицистических сочинениях ситуация другая.

похвальном слове Екатерине II (1801), восторг Карамзина вызывают не красоты природы, а огромность пространства Российской империи, что выражало, по мнению Элая, традиционное восприятие России через географический признак, а не живописный (см. выше).

Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет [...]. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? (Карамзин 1851, XVI–XVII).

В XVIII в. природу России русские поэты оценивали с позиций европейцев, с точки зрения которых, она представлялась «царством диких ветров и ледяных холмов», а Россия в целом воспринималась как северный мир (Эпштейн 1990, 157). Карамзин также как будто смотрит на нее сквозь оптику европейца. В цитируемом отрывке констатируется контрастность и суровость природы («хладность», «жаркость», «неизмеримость», «непроходимость», «вечные преграды»).

Огромное пространство, как будет видно далее, обладает двумя важными особенностями – **пустынностью** и **дикостью**, которые свойственны и природе. Именно эти два аспекта русской природы наиболее часто повторяются у Карамзина. В его *Истории...*, в основном, представлен природный мир восточно-европейской равнины, протянувшейся от северных до южных границ России, представляющей собой плоскую и открытую территорию, открытость, огромность и монотонность

которой подчеркивали многие иностранные путешественники (Краусс 2010, 156–158). В тексте *Истории...* характеристики «пустынный», «дикий» зачастую употребляются как синонимы и, прежде всего, относятся **к степям и лесам**.

Следует заметить, что в XVI в. в Западной Европе самыми доступными формами неокультуренной природы были леса и пустоши (wastes) (Merchant 2003, 59). Синонимами «диких мест» были ненаселенные леса, пустоши – «открытое пространство с невозделанной землей и скудной растительностью», и пустыни (Merchant 2003, 59).

Уместно посмотреть, какое значение имели «дикость», «пустыня» и «степь» в XVIII–XIX в. в России. «Дикий» – «говоря о месте: ненаселенный, необитаемый, пустой. Дикая страна, земля, степь» (Словарь 1790, 667). Его синоним «дивий»: «дикий, лесной, в лесу или пустом месте находящийся» (Словарь 1790, 663). «Пустошь» – «пустое, порожнее, незаселенное пространство земли» (Словарь 1822, 732). «Пустыня» – «место необитаемое; степь»; пример – «страшная, ужасная пустыня» (Словарь 1822, 734). Степь – «Пустое, ненаселенное и безлесное место, простирающееся на великое пространство» (Словарь 1794, 728–729). Из приведенных примеров видно, что дикость и, соответственно, качество дикости определяется не как таковое, но через негативное отношение, то есть признак недостачи – пустоту или отсутствие людей. И эта негативность пустоты будет иметь большое значение в восприятии дикой природы Карамзиным.

Обращает на себя внимание то, что пустынность пространства («пустыня»,

«пустынный», «пустошь») у Карамзина не является просто нейтральной географической характеристикой. Чаще всего он употребляет «пустыня» не в географическом значении этого термина, а как раз в значении «безлюдной местности». Пустыней Карамзин называет и южные степи, и сибирские леса, и северный регион России. «Ужасными пустынями» названы Киргизские степи (Карамзин 1852в, 145). Лес или «дремучий лес» называется иногда «мрачною пустынею» (Карамзин 1852б, 180) или «лесною пустынею» (берега рек Ветлуги, Усты, Кумы) (Карамзин 1852г, 15). «Говоря об основании Соловецкого монастыря, Карамзин, отмечая лесистость и заболоченность местности, в которой тот построен, подчеркивает, что до распространения и утверждения христианства эта местность представляла собой «ужасные дотоле пустыни, неприступные для страстей человеческих» (Карамзин 1852в, 357). Северная часть России, граничащая с Ледовитым океаном, определяется Карамзиным как «полунощная хладная пустыня» (Карамзин 1852д, 207), а Лапландия названа «дикими пустынями Лапландскими» (Карамзин 1852е, 419). Сибирь, как и вся Россия у Карамзина характеризуется «неизмеримостью пространства» (Карамзин 1852е, 370), на которое накладывается образ «безмолвных» или «хладных пустынь». Также образ пустыни возникает у него, когда он пишет об эпохе до начала формирования государства:

*От моря Каспийского до Балтийского, от Черного до Ледовитого, за тысячу лет пред сим жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных **пустынь** [...]. Провидению*

угодно было составить из сих разнородных племен обширнейшее государство в мире (Карамзин 1991, 16).

Таким образом, у Карамзина образ пустыни в разных контекстах приложим к большей части природы Российской империи.

Самым ярким примером «пустого» пространства является **степь**.

В контексте известных Карамзину эстетических теорий, степь, в противоположность горам или живописным окрестностям, никак не вписывается в категорию живописного или возвышенного. Писатель называет ее «унылой» и противопоставляет «величественным горам и водопадам, цветущим лугам и долинам» (Карамзин 1851, XIX). В «Историческом похвальном слове Екатерине II», говоря о путешествии Екатерины II в Крым, он называет места, по которым она проезжала, «**ДИКОЮ СТЕПЬЮ**», «горестною пустынею», где «одни песчаные холмы представлялись унылому взору» (Карамзин 1820а, 25), пока не были «украшены» «трудолюбием и художеством», и пока там не зазеленели «обширные сады». Ее дикость не вызывает восхищения, в противоположность швейцарским Альпам, и подлечит окультуриванию.

В своем негативном восприятии пустоты степи Карамзин, похоже, следовал за образом степи, закрепившимся в разных историко-литературных источниках.

Так, в первом томе, посвященном истории древней Руси, Карамзин пересказывает впечатление Геродота о степном пространстве: «Что касается собственно до Скифии российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримую равниною, гладкою и без-

лесною [...]» (Карамзин 1851, 9). Как отмечает Дэвид Мун, Геродота и других иностранных путешественников в степи больше всего поражало отсутствие леса (Moon 2013, 36–39), другими словами – пустота. Из различных иностранных описаний следует, что степь воспринималась как плоское, бесконечное пространство, которое изредка оживлялось курганом или деревом (Moon 2013, 43). В XVIII в. степь все еще воспринималась как «пустое место». Этот термин часто переводился на западные языки как *desert wilderness* (Sunderland 2004, 71). В академическом словаре XVIII в. также подчеркивалось (как отмечено выше), что степь – это пустое, ненаселенное, безлесное пространство большой протяженности. Сандерланд обратил внимание, что в том же словаре подчеркивался его потенциал к развитию и заселению – на слово «заселить» приводился пример «заселить степи, пустые места», тем самым как бы предполагая, что естественные условия степи не всегда останутся такими, какими они есть (Sunderland 2004, 71). В результате – пишет он – колонизация оказывалась связанной с идеей уничтожения пустоты и распространения цивилизации (Sunderland 2004, 94).

Фактически степь у Карамзина выступает как враждебное пространство: из «степей обширных» выходили «свирепые» кочующие народы, которые «ужасали Европу» (Карамзин 1851, 146). «Моголы» могут заманить «россиян» в «опасную степь» (Карамзин 1852а, 244). Степь – это пространство обитания кочующих народов, которые Карамзин называет «дикими» или «варварскими». Дикость кочевников становится метонимией дикости степи.

До XVIII в. известно очень небольшое количество описаний степи русскими путешественниками. Писателями Киевской Руси она воспринималась, прежде всего, как языческое пространство и символизировало высшую степень дикости (Sunderland 2004, 18). Новое отношение к степи стало формироваться с приходом Петра I и принятия западной идеологии: функцией правителя становится увеличение ресурсов государства посредством рационального администрирования, при этом степь становится одним из таких ресурсов (Sunderland 2004, 40).

Один из самых важных контекстов, в котором употребляется «пустыня» и «степь» в текстах Карамзина, связан с проблемой колонизации и малонаселенности. В них «пустыня», «степь» зачастую употребляются как пространство подлежащее окультуриванию и заселению. Сами по себе степи не красивы, но города могут их украсить: «**Пустыни** украсились городами» (Карамзин 1991, 18). В плане «обитаемости», сопоставляя Россию с Европой, Карамзин отмечает, что она страна «новая», и сравнивает ее «обширные пустыни» в начале нашей эры со «степями Африканскими» (Карамзин 1820б, 213); с сожалением отмечает, что, несмотря на развитие торговли, она «казалась путешественникам малонаселенною» (Карамзин 1852д, 210). Говоря о завоевании Сибири, Карамзин подчеркивает, что Россию ожидала слава «мирного гражданского образования диких народов» и «население [людьми] пустыни», «сама природа усеивает обширные степи диким хлебом», и в «безмолвии пустынь ждет трудолюбивых обитателей» (Карамзин 1852е, 310). О времени правления Ека-

терины II Карамзин пишет: «Российское государство представляло взору Монархини многие обширные страны, обогащенные натурою, но пустые, ненаселенные» (Карамзин 1820а, 43), которые окультуриваются с помощью секиры и плуга, символизирующими распространение культуры: «звуки секиры раздались в диких лесах», «плуг углубился в свежую землю» (Карамзин 1820а, 43). Екатерина II выполняет задачу внутренней колонизации, направленную на освоение внутренних «диких» пространств (Снежко 2012, 79).

Интересно то, что Карамзин оценивает степень гражданского развития страны не только по уровню культуры, просвещения, инфраструктуры и торговли, но и по «количеству» дикой природы и пустых пространств: «[...] редкие жительствова, степи, дремучие леса, худые, пустынные, уединенные дороги свидетельствовали, что сия держава была еще новою в гражданском образовании» (Карамзин 1852д, 210). Рано или поздно развитие цивилизации должно привести к изменению природы. В «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице» (1802) Карамзин описывает, как он, сидя на церковной паперти, вспоминал удивление историка Г. Миллера по поводу названия Переславля Залесского, поскольку вблизи города совсем нет леса, и размышлял о том, что со временем меняются не только люди, но и «самый вид природы» (Карамзин 1820б, 212). Говоря о том, что в прошлом Россия «состояла из обширных пустынь», он пишет, что «присутствие людей в два или три столетия чудесным образом изменяет природу» и что особенно «в северных землях» исчезают леса, но этого боять-

ся не стоит, так как «деревя растут у нас скоро», и «в случае нужды» Россия обладает богатыми залежами угля и др. (Карамзин 1820б, 213). А вырубка лесов и осушение болот является частью «гражданской деятельности» (Карамзин 1820б, 212–213). Таким образом, трансформация дикой природы в результате деятельности человека воспринимается Карамзиным как благо. Кроме того, образ дикой природы с негативной коннотацией накладывается на все «невообразимое» пространство России, сравниваемой с «диким произведением Натуры», которому противопоставляется поделенное на губернии пространство империи (реформа Екатерины II), «подобное творению совершенного искусства» (Карамзин 1820а, 74), тем самым Карамзин подчеркивает победу государства, разума над природой.

Еще одно значение дикости – экзотичность, чудесность, величественность, суровость и контрастность природы. Такой представляется Сибирь в *Истории...*: «второй новый мир для Европы» (Карамзин 1852е, 369) по аналогии с Америкой Колумба; «неизмеримый край», богатый ресурсами («металлами и камнями драгоценными»), «безлюдный и холодный»; «чудесный» – Карамзин приводит мнение современников Геродота о том, что там живут «грифы стерегущие золото» (Карамзин 1852е, 370). Уральские горы, разделяющие восточно-европейскую равнину от западно-сибирской, представляют собой «во многих местах неприступные горы, где и в летние месяцы не является глазам ничего, кроме ужасных пустынь, голых утесов, стремнин, печальных кедров и хищных белых кречетов» (Карамзин 1852г, 288). Ян Кусбер

пишет, что восприятие Сибири как воплощения «чуждости» было характерно для XVIII в. – Сибирь как регион четко отделялась от европейской части России (Kusber 2008, 57). Таким образом, дикость также связана с «чуждой», величественной природой, воспринимаемой в колониальной перспективе – то есть, подлежащей трансформации и добыванию ресурсов (Снежко 2012, 80).

Таким образом, применительно к русской природе дикими для Карамзина являются первозданные леса (часто называемые «дремучими») и степи. Также дикость подразумевала для него экзотическую, «чужую», суровую природу (Сибирь). При этом дикость синонимична «пустоши», «пустыне» или пустому, открытому пространству. Значения дикости в основном раскрываются в государственной перспективе. В разных контекстах дикость распространяется на образ всей империи, и соответственно подлежит преодолению (окультуриванию, колонизации), являясь препятствием для эффективного управления государством. Восприятие Карамзиным дикой русской природы в его исторических и публицистических сочинениях вполне вписывается в просвещенческий нарратив о необходимости трансформации дикой природы.

Итак, можно сделать вывод, что, конечно же, Карамзин не был русским Генри Торо, и дикость для него носила относительный характер, распространяясь не на всю природу. Эталонами дикой природы для него были горы, которые в парадигме возвышенного позволяли пережить религиозный опыт (влияние Руссо). Идеальным вариантом для Карамзина было сочетание дикости и деятельности человека, другими

словами – дикая природа как часть эстетики живописного. Леса, пески, болота (в Европе), громадные лесные массивы и открытые степные пространства в России также являлись дикими, но если они не вписывались в эстетику живописного, то не вызывали особенного эстетического отклика, и их дикость воспринималась скорее в негативном ключе. При этом только сам факт величины пространства вызывал восторг. В русских исторических и публицистических работах Карамзин, по сравнению в *Письмами...*, занимает позицию «одического» взгляда, выражающего государственную перспективу (необходимость подчинения дикости).

Таким образом, отношение к дикой природе у Карамзина было амбивалентным. С одной стороны, можно согласиться с тем, что он был против слишком активного вмешательства в природу (Schönle 2007, 232–236), с другой же, дикая природа и дикие народы в его произведениях выступали «негативным» членом классической просвещенческой оппозиции «цивилизация vs природа», что подразумевало необходимость их контроля и трансформации в интересах государства (что видно на материале *Истории...*). Даже учитывая его скепсис по поводу «насилия» Петра I над природой («человек не одолеет Натуры») (Карамзин 1991, 37), в конечном итоге, дикая природа в его произведениях (суровая, безмолвная, нетронутая, не вписывающаяся в живописное) включает в себе нечто опасное для цивилизованного государства и рационального порядка. И в этом отношении Карамзин выступал как человек эпохи Просвещения. Он не был, подобно Торо, «певцом» дикой русской

природы; и хотя мысль его, безусловно, «цепенела» перед географическим размахом пространства, большее эстетиче-

ское наслаждение он находил в погружении «во времена отдаленные», а не в природную «дикость».

ЛИТЕРАТУРА

Алпатова, Т. 2016. Генезис и жанровая специфика отрывков в прозе Н. М. Карамзина (1789–1792 гг.). *Ученые записки Казанского университета: серия Гуманитарные науки*. Т. 158, кн. 1. 99–106.

Вацуру, В. Э. 1969. Литературно-философская проблематика повести «Остров Борнгольм». *XVIII век. Сб.* 8. Ленинград: Наука. 190–209.

Гречишкина, С. В. 2014. К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы. *Вестник Томского государственного университета* 387, 8–14.

Иванов, М. В. 1975. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника». *XVIII век. Сб.* 10. Ленинград: Наука, 1975. 296–302.

Канунова, Ф. З., Кафанова, О. Б. 1993. Карамзин и Жуковский (восприятие «Созерцания природы» Ш. Бонне). *XVIII век. Сб.* 18. С.-Петербург: Наука. 187–202.

Карамзин, 1820а = Карамзин, Н. М. 1820. *Сочинения*. Изд. 3-е, Москва: В тип. С. Селивановского. Т. 8.

Карамзин, 1820б = Карамзин, Н. М. 1820. *Сочинения*. Изд. 3-е, Москва: В типографии С. Селивановского. Т. 9.

Карамзин, Н. М. 1964. *Избранные сочинения в 2 т.* Москва, Ленинград: Художественная литература. Т. 1.

Карамзин, Н. М. 1991. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. Москва: Наука.

Карамзин, Н. М. 1851. *История государства Российского*. Изд. 6, СПб: В тип. Э. Праца. Т. 1.

Карамзин, 1852а = Карамзин, Н. М. 1852. *История государства Российского*. СПб: В тип. Э. Праца. Т. 3.

Карамзин, 1852б = Карамзин, Н. М. 1852. *История государства Российского*. СПб: В тип. Э. Праца. Т. 4.

Карамзин, 1852в = Карамзин, Н. М. 1852. *История государства Российского*. СПб: В тип. Э. Праца. Т. 5.

Карамзин, 1852г = Карамзин, Н. М. 1852. *История государства Российского*. СПб: В тип. Э. Праца. Т. 6.

Карамзин, 1852д = Карамзин, Н. М. 1852. *История государства Российского*. СПб: В тип. Э. Праца. Т. 7.

Карамзин, 1852е = Карамзин, Н. М. 1852. *История государства Российского*. СПб: В тип. Э. Праца. Т. 9.

Кочеткова, Н. Д. 1986. Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма. *XVIII век. Сб.* 15. Ленинград: Наука. 70–96.

Краусс, Ш. 2010. Теория климата как ключ к восприятию России через французскую литературу XIX в. *К истории идей на Западе: «Русская идея»*. Сост. В. Е. Багно, М. Е. Маликова, С.-Петербург: Изд-во Пушкинского дома. 143–167.

Кросс, А. 1969. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина. *XVIII век. Сб.* 8. Ленинград: Наука. 210–228.

Кулакова, Л. И. 1964. Эстетические взгляды Н. М. Карамзина. *XVIII век. Сб.* 6. Москва; Ленинград: Наука. 146–175.

Левин, Ю. Д. 1980. *Оссиан в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX века*. Ленинград: Наука.

Лихачев, Д. С. 1982. *Поэзия садов*. Ленинград: Наука.

Лотман, Ю. М. 2000. Руссо и русская культура XVIII–начала XIX века. *Лотман, Ю. М. Собрание сочинений*. Москва: ОГИ. Т. 1. 139–207.

Словарь, 1790 = *Словарь Академии Российской*. Часть II, СПб: При Императорской Академии Наук.

Словарь, 1794 = *Словарь Академии Российской*. Часть V. СПб: При Императорской Академии Наук.

Словарь, 1822 = *Словарь Академии Российской*. Часть V. СПб.: В тип. В. Плавильщикова.

Снежко, Ю. 2012. *Поэтика нации в текстах Николая Карамзина (1787–1803 г.)*. Докт. дис., гуманитарные науки, филология (04Н). Вильнюс.

Хорват, К. 1973. Романтические воззрения на природу. *Европейский романтизм*. Москва: Наука. 204–251.

Этика, 2008 = *Экологическая этика от А до Я*: пособие для школьников, их учителей и родителей. Ред. Т. В. Мишаткина и С. Б. Мельнова. Минск: МГЭУ им. А. Д. Сахарова.

Эпштейн, М. 1990. *Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии*. Москва: Высшая школа.

Companion, 2014 = *Cambridge Companion to Literature and Environment*. Ed. L. Westling, New York: Cambridge University Press.

Dickinson, S. 2006. *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Amsterdam–NY: Rodopy.

Ely, Ch. 2002. *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press.

Gura, P. F. 1995. “A wild, rank place”: Thoreau’s *Cape Cod*. *The Cambridge Companion to Henry David Thoreau*. Ed. J. Myerson, Cambridge: Cambridge University Press. 142–151.

Harding, W. 1995. Thoreau’s Reputation. *The Cambridge Companion to Henry David Thoreau*. Ed. J. Myerson, Cambridge: Cambridge University Press. 1–11.

Kahn, A. 2003. *Nikolaj Karamzin, Letters of a Russian traveler: a translation, with an essay on Karamzin’s discourses of Enlightenment*. Voltaire Foundation: Oxford. 520–524.

Kirchhoff, Th., Vicenzotti, V. 2014. A Historical and Systematic Survey of European Perceptions

of Wildness. *Environmental Values*. Vol 23, No 4, August. 443–464.

Kusber, J. 2008. Mastering the Imperial Space: The Case of Siberia. *Theoretical Approaches and Recent Directions of Research. Ab Imperio* 4, 52–74.

Literature, 1998 = *Literature of Nature: an International Sourcebook*. Ed. P.D. Murphy, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers.

Ménahèze-Lefay, S. Le. 2013. Landscape. *Encyclopedia of the Enlightenment*. Vol. 1 A–L, ed. M. Delon, New York: Routledge.

Merchant, C. 2003. *Reinventing Eden: The Fate of Nature in Western Culture*. New York: Routledge.

Moon, D. 2013. *Plough That Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia’s Grasslands, 1700–1794*. Oxford: Oxford University Press.

Nicolson, M. H. 1997. *Mountain Gloom and Mountain Glory: The Development of the Aesthetics of the Infinite*. Seattle and London: University of Washington Press.

Schönle, A. 2007. *The Ruler in the Garden: Politics and Landscape Design in Imperial Russia*. Bern: Peter Lang.

Sunderland, W. 2004. *Taming the wild: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Thacker, Ch. 2016. *The Wildness Pleases: The Origins of Romanticism*. NY: Routledge.

Vedenin, Yu. 1998. Nature and Environment in Russian Literary prose. *Literature of Nature: an International Sourcebook*. Ed. P. D. Murphy, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers.

REFERENCES

Alpatova, T. 2016. Genesis i zhanrovaya spetsifika otrыvkov v proze N. M. Karamzina (1789–1792 gg.). [Genesis and Genre Specificity of Passages in N. M. Karamzin’s Prose (1789–1792)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: seriya Gumanitarnye nauki*. Vol. 158, Book 1. 99–106.

Companion, 2014 = *Cambridge Companion to Literature and Environment*. Ed. L. Westling, New York: Cambridge University Press.

Dickinson, S. 2006. *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Amsterdam–NY: Rodopy.

Ely, Ch. 2002. *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press.

Epshtein, M. 1990. *Priroda, mir, tainik vselennoi: sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii*. [Nature, World, and Secret Place of Nature: System of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.

Этика, 2008 = *Экологическая этика от А до Я*: пособие для школьников, их учителей и родителей. [Ecological Ethics from A to Ya]. Ed. T. V. Mishatkina, S. B. Mel’nova, Minsk: MGEU im. A. D. Sakharova Publ.

Grechishkina, S. V. 2014. K voprosu issledovaniya sovremennoi literatury o prirode: aspekty izucheniya ekoliteratury. [On Contemporary Nature Literature Studies: The Aspects of Ecological Literature Research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal] 387, 8–14.

Gura, P. F. 1995. “A wild, rank place”: Thoreau’s *Cape Cod*. *The Cambridge Companion to Henry David Thoreau*. Ed. J. Myerson, Cambridge: Cambridge University Press. 142–151.

Harding, W. 1995. Thoreau’s Reputation. *The Cambridge Companion to Henry David Thoreau*. Ed. J. Myerson, Cambridge: Cambridge University Press, 1–11.

Ivanov, M. V. 1975. Mir Shveitsarii v «Pis’makh russkogo puteshestvennika». [The World of Switzerland in “Letters of a Russian Traveler”]. *XVIII vek. Collected Scientific Papers* 10. Leningrad, Nauka Publ. 296–302.

Kahn, A. 2003. *Nikolaj Karamzin, Letters of a Russian traveler: a translation, with an essay on Karamzin’s discourses of Enlightenment*. Voltaire Foundation: Oxford. 520–524.

Kanunova, F. Z., Kafanova, O. B. 1993. Karamzin i Zhukovskii (vospriyatie «Sotsertsaniya prirody» Ch. Bonnet). [Karamzin and Zhukovskii (Reception of “Contemplation of Nature” of Ch. Bonnet)]. *XVIII vek. Collected Scientific Papers* 18. St.-Petersburg, Nauka Publ. 187–202.

Karamzin, 1820a = Karamzin, N. M. 1820. *Sochineniya*. [Works]. 3rd ed. Moscow: V tip. S. Selivanovskogo Publ. Vol. 8.

Karamzin, 1820b = Karamzin, N. M. 1820. *Sochineniya*. [Works]. 3rd ed. Moscow: V tipografii S. Selivanovskogo Publ. Vol. 9.

Karamzin, N. M. 1964. *Izbrannye sochineniya v 2 t.* [Selected Works in 2 Volumes]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 1.

Karamzin, N. M. 1991. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh*. [Memoir on Ancient and New Russia]. Moscow: Nauka Publ.

Karamzin, N. M. 1851. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. [History of the Russian State]. 6th ed. St.-Petersburg: V tip. E. Pratsa Publ. Vol. 1.

Karamzin, 1852a = Karamzin, N. M. 1852. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. [History of the Russian State]. St.-Petersburg: V tip. E. Pratsa Publ. Vol. 3.

Karamzin, 1852b = Karamzin, N. M. 1852. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. [History of the Russian State]. St.-Petersburg: V tip. E. Pratsa Publ. Vol. 4.

Karamzin, 1852v = Karamzin, N. M. 1852. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. [History of the Russian State]. St.-Petersburg: V tip. E. Pratsa Publ. Vol. 5.

Karamzin, 1852g = Karamzin, N. M. 1852. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. [History of the Russian State]. St.-Petersburg: V tip. E. Pratsa Publ. Vol. 6.

Karamzin, 1852d = Karamzin, N. M. 1852. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. [History of the Russian State]. St.-Petersburg: V tip. E. Pratsa Publ. Vol. 7.

Karamzin, 1852e = Karamzin, N. M. 1852. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. [History of the Russian State]. St.-Petersburg: V tip. E. Pratsa Publ. Vol. 9.

Khorvat, K. 1973. Romanticheskie vozzreniya na prirodu. [Romantic Views on Nature]. *Evropeiskii romantizm*. [European Romanticism]. Moscow, Nauka Publ. 204–251.

Kirchhoff, Th., Vicenzotti, V. 2014. A Historical and Systematic Survey of European Perceptions of Wildness. *Environmental Values*. Vol. 23. No. 4. August. 443–464.

Kochetkova, N. D. 1986. Geroi russkogo sentimentalizma. 2. Portret i peizazh v literature russkogo sentimentalizma. [A Hero of Russian Sentimentalism. 2. Portrait and Landscape in Russian Literature of Sentimentalism]. *XVIII vek. Collected Scientific Papers* 15. Leningrad, Nauka Publ. 70–96.

Krauss, Sh. 2010. Teoriya klimata kak klyuch k vospriyatiju Rossii cherez frantsuzskuyu literaturu XIX v. [Theory of Climate as a Clue to Reception of Russia through XIX century French Literature]. *K istorii idei na Zapade: «Russkaya ideya»*. Ed. V. E. Bagno & M. E. Malikova, St.-Petersburg: Pushkinskii dom Publ. 143–167.

Kross, A. 1969. Raznovidnosti idillii v tvorches-tve Karamzina. [Types of Idyll in Karamzin’s Works]. *XVIII vek. Collected Scientific Papers* 8. Leningrad: Nauka Publ. 210–228.

Kulakova, L. I. 1964. Esteticheskie vzglyady N. M. Karamzina. [N. M. Karamzin’s Aesthetical Views]. *XVIII vek. Collected Scientific Papers* 6. Moscow; Leningrad: Nauka Publ. 146–175.

Kusber, J. 2008. Mastering the Imperial Space: The Case of Siberia. Theoretical Approaches and Recent Directions of Research. *Ab Imperio* 4, 52–74.

Levin, Yu. D. 1980. *Ossian v russkoi literature. Konets XVIII– pervaya tret’ XIX veka*. [Ossian in

Russian Literature. End of XVIII–First Third of XIX century]. Leningrad: Nauka Publ.

Likhachev, D. S. 1982. *Poeziya sadov*. [Poetry of Gardens]. Leningrad: Nauka Publ.

Literature, 1998 = *Literature of Nature: an International Sourcebook*. Ed. P. D. Murphy, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers.

Lotman, Yu. M. 2000. Russo i russkaya kul'tura XVIII–nachala XIX veka. [Rousseau and Russian Culture of XVIII–beginning of XIX century]. *Lotman Yu. M. Collected works*. Moscow: OGI Publ. Vol. 1. 139–207.

Ménahèze-Lefay, S. Le. 2013. Landscape. *Encyclopedia of the Enlightenment*. Vol. 1 A–L, ed. M. Delon, New York: Routledge.

Merchant, C. 2003. *Reinventing Eden: The Fate of Nature in Western Culture*. New York: Routledge.

Moon, D. 2013. *Plough That Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1794*. Oxford: Oxford University Press.

Nicolson, M. H. 1997. *Mountain Gloom and Mountain Glory: The Development of the Aesthetics of the Infinite*. Seattle and London: University of Washington Press.

Schönle, A. 2007. *The Ruler in the Garden: Politics and Landscape Design in Imperial Russia*. Bern: Peter Lang.

Slovar', 1790 = *Slovar' Akademii Rossiiskoi*. [Dictionary of the Russian Academy]. Part II. St.-Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk Publ.

Slovar', 1794 = *Slovar' Akademii Rossiiskoi*. [Dictionary of the Russian Academy]. Part V. St.-Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk.

Slovar', 1822 = *Slovar' Akademii Rossiiskoi*. [Dictionary of the Russian Academy]. Part V. St.-Petersburg: V tip. V. Plavil'shchikova Publ.

Snezhko, Yu. 2012. *Poetika natsii v tekstakh Nikolaya Karamzina (1787–1803 g.)*. [The Poetics of the Nation in Nikolay Karamzin's Texts (1787–1803)]. Dokt. dis., gumanitarnye nauki, filologiya (04H). Vilnius.

Sunderland, W. 2004. *Taming the wild: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Thacker, Ch. 2016. *The Wildness Pleases: The Origins of Romanticism*. NY: Routledge.

Vatsuro, V. E. 1969. Literaturno-filosofskaya problematika povesti «Ostrov Borngol'm». [Literary and Philosophical Problematics of the Story “An Island Bornholm”]. *XVIII vek. Collected Scientific Papers* 8. Leningrad: Nauka Publ. 190–209.

Vedenin, Yu. 1998. Nature and Environment in Russian Literary prose. *Literature of Nature: an International Sourcebook*. Ed. P. D. Murphy, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers.

THE SEMANTICS OF WILD NATURE IN N. M. KARAMZIN'S WORKS: WAS KARAMZIN THE RUSSIAN HENRY THOREAU?

Julija Snežko

S u m m a r y

This article deals with the semantics of wild nature, found in Karamzin's works. The author tries to answer the question of what Karamzin himself considered European or Russian wild nature to be. The concretization of the meaning of wild nature in Karamzin's works seems relevant if we have in mind the big number of literary and cultural researches (within the frame of ecocriticism and not only) that analyze wild nature. Though a considerable amount of scientific literature has been devoted to the theme of nature in Karamzin's works, the notion of wild nature hasn't been systematically investigated. In this article, attention is paid to the contexts in which nature is referred to as “wild.”

Here, it is shown that Karamzin's relation to wild nature was ambivalent. The semantics of European and Russian wild nature are different and have both positive and negative aspects. This difference is explained by the specifics of the aesthetical optics of the narrator (the aesthetics of the picturesque or the sublime) and by his narrative position (a personalized relationship toward nature or a governmental point of view). Wild nature that is aesthetically attractive to Karamzin is the one that minimally experienced the influence of man and is part of picturesque aesthetics, or the nature that it is the quintessence of the sublime – the mountains. However, wild nature that didn't experience the influence of man and that is not part

of the picturesque aesthetics, as it is with the bigger part of Russian nature (steppes, forests, marshes, empty spaces) does not have such a pleasing effect; on the contrary, it frightens the narrator, and from the governmental point of view – which Karamzin shares – it should be controlled and subdued.

In this article, it is concluded that Karamzin was not the Russian Henry Thoreau, and his relationship toward wild nature, both positive and negative, was mostly based on the ideology of the Enlightenment.

LAUKINĖS GAMTOS SEMANTIKA N. M. KARAMZINO KŪRYBOJE: AR KARAMZINAS BUVO RUSIŠKŪJU HENRIU TORO

Julija Snežko

S a n t r a u k a

Šiame straipsnyje analizuojama laukinės gamtos semantika N. Karamzino kūryboje. Darbe tikslinama, ką Karamzinas laikė laukine europietiška ir rusiška gamta. Laukinės gamtos sampratos tikslinimas Karamzino darbuose yra aktualus, turint omenyje nemažą skaičių literatūrinių bei kultūrinių tyrimų (ekokritikos ir ne tik jos rėmuose), kuriuose tiriama laukinė gamta. Nors gamtos tematika Karamzino kūryboje nėra nauja mokslininkų akiratyje, tačiau laukinės gamtos samprata sistemingo tyrimo nesusilaukė. Straipsnyje atkreipiamas dėmesys į tai, kokiuose kontekstuose gamta įvardijama kaip „laukinė“.

Šiame straipsnyje parodoma, kad Karamzino požiūris į laukinę gamtą buvo ambivalentiškas. Europietiškos ir rusiškos laukinės gamtos semantika skiriasi ir turi tiek neigiamą, tiek teigiamą aspektą.

Šis skirtumas aiškinamas pasakotojo estetinės optikos ypatumais (vaizdingumo / pakylėtumo estetika) bei jo pasakojimo pozicija (suasmenintu santykiu ar valstybine perspektyva). Estetiškai Karamziną žavi laukinė gamta, kuri minimaliai patyrė žmogaus įtaką ir atitinka vaizdingumo reikalavimus arba pakylėtumo estetikos kvintesenciją – kalnai. Tačiau laukinė gamta, nepatyrusi žmogaus įtakos arba neatitinkanti vaizdingumo reikalavimų, kaip yra su didžiausia Rusijos gamtos „dalimi“ (stepės, miškai, pelkės, tuščios erdvės), ne tiek žavi, kiek baugina pasakotoją, ir valstybinės perspektyvos požiūriu turi būti kontroliuojama.

Straipsnyje daroma išvada, kad Karamzinas nebuvo rusiškuoju Henriu Toro, o jo požiūris į laukinę gamtą, tiek negatyvus, tiek ir pozityvus, daugiausiai išreiškė Apšvietos epochos ideologiją.

Получено: 2017, октябрь

Принято: 2017, октябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas
Baltijos kalbų ir kultūrų institutas
Universiteto g. 5
LT-01513 Vilnius Lietuva
E-mail: julija.snezko@flf.vu.lt